Часть 2. КАПЕЛЛАНИН

Хоровое училище

Итак, я невольно подошел к тому времени, когда я вступил в школьный возраст и был принят в числе 25-ти мальчишек в первый класс Хорового училища имени М. И. Глинки при Ленинградской академической капелле.

Сейчас приметы моего училищного детства постепенно стираются. Казалось бы, все на своем месте. Историческое здание Придворной капеллы все также выходит своим фасадом и ажурной решеткой на один из самых широких мостов Петербурга: «Певческий». Вид, открывающийся со стороны Капеллы на Дворцовую площадь, всегда напоминал мне великолепные декорации к историческому фильму или спектаклю. И не только благодаря яркости контрастов: желтизне Генерального штаба, зелени в позолоте Зимнего, красного гранита Александрийской колонны и плит набережной. Сам ансамбль, возникший на угловом срезе Мойки и Дворцовой площади, видимо, подсказал Росси единственное решение, превратившее торцевую часть Генерального штаба почти в плоскую стену, словно перекрывающую сцену площади. Все это театральное великолепие мы наблюдали в течение одиннадцати лет каждый день. Каждый день дышали невским ветром под низким невским небом. Нам никогда не вернуться туда. Хоровое училище давно ушло из стен Капеллы, по несчастливому стечению обстоятельств навсегда переселившись в другое место. Вместе с ним в тумане времени исчезли многие наши педагоги, наверное, с ними — и наши тени.

Изредка навещая эти места, я пытаюсь восстановить в памяти детали прошлого. Большая часть окон училища выходила во двор Капеллы, мало изменившийся с тех пор. Так же глухо под ногами прохожих гудит брусчатка, так же таинственно мерцают четырехгранные фонари, так же вечерами на концерты собирается публика. Отличие только в том, что в 1990-е был восстановлен парадный императорский подъезд, разрушенный в годы войны. И голая стена фасада, в которую 11 лет упирался наш взор, вновь вернула себе исторический вид.

Первый раз в этот двор я и мои будущие одноклассники попали летом 1972 года. Для прохождения конкурсного отбора в училище. Сначала все мы, включая родителей, столпились внизу в вестибюле. Затем к нам вышел директор Владимир Константинович Баранов. С высоко зачесанной курчавой, слегка подернутой сединой, шевелюрой, с широким лицом, с ямочкой на подбородке — он выглядел мужественно и строго. «Таким и должен быть директор», — подумал я. Почему-то сказанное им дальше очень развеселило взрослых. «Ну что ж, абитуриенты, за мной!». Этого слова я не знал. Но оно было произнесено очень кстати, поскольку, видимо, обозначало что-то совсем не опасное. И мы поднялись по мраморной лестнице на третий этаж. Здесь, в директорском кабинете, в присутствии комиссии, которую составляли также Федор Михайлович Козлов и Дмитрий Николаевич Ардентов, все и произошло. Меня что-то попросили спеть, что-то определить на слух, повторить ритмическую фигуру. На этом экзекуция завершилась.

Так я по воле случая (в сущности, всего лишь совета, данного моим родителям учительницей музыки в детском саду) стал капелланином, то есть частью новой для меня жизни, не менее счастливой, чем прежняя, но другой. Что от нее осталось сегодня, кроме образования, подарившего

мне бесценное сокровище — умение распоряжаться своим талантом? С уверенностью отвечу: друзья, ставшие частью моей семьи, моего дома, моего мира.

И в этой части повествования резонно рассказать о тех, с кем я потом шел по жизни.

Андрей Аниханов

Истоки нашей дружбы уходят в детство. Причем крепость ее не была неизменной. Я бы сказал, что история наших отношений из года в год развивалась на crescendo. И через пятьдесят с лишним лет знакомства с уверенностью можно сказать: время постепенно перевело обычные приязненные отношения одноклассников на орбиту единомыслия и единочувствования. Поэтому начну с конца.

На Корфу мы с женой прилетели поздно ночью, тут же у трапа самолета погрузившись в теплое, влажное марево морского прибрежья. Андрей уже ждал нас. Сели в машину. Через полчаса оказались в уютном загородном доме. Мы у него в гостях на две недели. Дом обсажен молодыми кустами роз, саженцами лимона, кумквата, инжира. Внутри дом также чем-то напоминает сад. Например, в гостиной преобладают оранжевые и белые тона. И в течение дня, когда через дымчатые занавески пробивается радостное греческое солнце, комната словно впитывает его в себя: белые стены и пол сами начинают светиться и цвести.

Я знаю, что Андрею радостно приглашать к себе друзей: здесь ли, в Петербурге, на даче в Романовке [3]. Ему радостно

[3] Эта часть воспоминаний была написана до ухода Андрея с поста главного дирижера Ростовского музыкального театра, разумеется, до событий 2020-го (эпидемия ковида) и 2022-го (нача-